

Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления

Олег Григорьевич Смешко^{1✉}, Владимир Александрович Плотников²,
Юлия Владимировна Вертакова³

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Курский филиал), Курск, Россия

¹ smehko@mail.ru ✉

² plotnikov_2000@mail.ru

³ vertakova7@yandex.ru

Аннотация

Цель. Рассмотреть влияние современного эпизода санкционной войны против России на перспективы развития ее социально-экономической системы.

Задачи. Описать механизм влияния санкций на российскую социально-экономическую систему; проанализировать систему мер по импортозамещению и снижению импортозависимости российской экономики; предложить направления экономической политики по противодействию высокой зависимости российской экономики от технологического импорта; рассмотреть возможности построения новых индикаторов количественной оценки динамики социально-экономического развития, адекватных постсанкционным реалиям.

Методология. Использованы общенаучные методы исследования (метод синтеза, обобщения, контент-анализа, графической интерпретации данных и др.), а также методы стратегического, ситуационного, корреляционно-регрессионного анализа, экспертных оценок, расчетно-аналитические методы.

Результаты. В настоящее время в мире, в том числе в России, происходит переосмысление сложившейся модели развития. Установлено, что влиятельные державы играют лишь по тем правилам, которые краткосрочно выгодны им, что резко повысило уровень рисков и угроз национальной экономической безопасности России. В ближайшей и среднесрочной перспективе они будут высокими. Это требует пересмотра модели внешнеэкономического взаимодействия Российской Федерации (РФ) с тем, чтобы, помимо импортозамещения, выстраивать такой механизм снижения импортозависимости отечественной экономики, который строится на создании и развитии технологически продвинутых, обладающих мировой конкурентоспособностью экспортоориентированных производств. Такие производства, кроме задачи повышения технологического суверенитета РФ, должны быть ориентированы и на формирование у торговых партнеров импортозависимости от российских поставок. Это позволит предусмотреть в отношении них канал экономического давления и нейтрализовать действие возможных санкций.

Выводы. В новых реалиях требуются дальнейшие исследования показателей, характеризующих макроэкономическую динамику. События последнего полугодия в очередной раз подтвердили ранее неоднократно высказанное в литературе мнение о недостаточной адекватности описания макроэкономической динамики показателем валового внутреннего продукта (ВВП) и другими показателями, выстроенными на его основе. По нашему мнению, особое внимание следует обращать на социально-экономические показатели, отражающие уровень и качество жизни населения. Сегодня необходима перестройка системы государственной политики с целью не только адаптации ее к новым реалиям, но и формирования этих новых реалий. Возникает уникальный шанс пересмотреть существующие правила,

выбрать более эффективные способы организации социально-экономических процессов, чтобы институировать их и, как следствие, задать долгосрочный вектор устойчивого и успешного развития России.

Ключевые слова: экономические санкции, импортозамещение, импортозависимость, экспортная зависимость, угроза экономической безопасности, экономическая политика, государственное управление, российская экономика, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 6. С. 524–537. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-6-524-537>

Prospects for the Russian economy: new challenges to economic security and public administration restructuring

Oleg G. Smeshko^{1✉}, Vladimir A. Plotnikov², Yuliya V. Vertakova³

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

³ Kursk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk, Russia

¹ smehko@mail.ru✉

² plotnikov_2000@mail.ru

³ vertakova7@yandex.ru

Abstract

Aim. The presented study aims to investigate the impact of the current episode of the sanctions war against Russia on the prospects for the development of the country's socio-economic system.

Tasks. The authors describe the mechanism of the sanctions' impact on the Russian socio-economic system; analyze a set of measures aimed at facilitating import substitution and reducing the import dependence of the Russian economy; propose directions for economic policy to counteract the high dependence of the Russian economy on technological imports; consider the possibility of developing new indicators for quantifying the dynamics of socio-economic development adequate to post-sanctions realities.

Methods. This study uses general scientific research methods (synthesis, generalization, content analysis, graphical interpretation of data, etc.) and methods of strategic, situational, correlation and regression analysis, expert assessment, computational and analytical methods.

Results. Currently, the whole world, including Russia, is rethinking the existing development model. It has been established that influential powers play only by the rules that are beneficial to them in the short term, dramatically increasing the level of risks and threats to Russia's national economic security. In the near and medium term, they will be high. This requires the model of the Russian Federation's foreign economic cooperation to be revised so as to develop a mechanism for reducing the import dependence of the domestic economy (in addition to import substitution) based on the creation and development of technologically advanced, globally competitive, export-oriented industries. These industries should be aimed at increasing the technological sovereignty of the Russian Federation, while also focusing on the formation of import dependence on Russian supplies among trading partners. This will make it possible to put economic pressure on them to neutralize the effect of potential sanctions.

Conclusions. The new reality requires further investigation of indicators that characterize macroeconomic dynamics. The events of the last six months have once again confirmed the opinion repeatedly expressed in literature about the inadequacy of describing macroeconomic dynamics using gross domestic product (GDP) and other indicators based on it. The authors believe that special attention should be paid to socio-economic indicators reflecting the population's well-being and quality of life. Today, the public policy system must be restructured not only to adapt to the new reality, but also to form this new reality. There is a unique opportunity to revise existing rules, find more effective ways of organizing socio-economic processes in order to institutionalize them and, as a result, set a long-term vector for the sustainable and successful development of Russia.

Keywords: economic sanctions, import substitution, import dependence, export dependence, threat to economic security, economic policy, public administration, Russian economy, socio-economic development

For citation: Smeshko O.G., Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. Prospects for the Russian economy: new challenges to economic security and public administration restructuring. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(6):524-537. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-6-524-537>

Введение

В период с конца 1980 г. — начала 1990 г. в российском обществе широкое хождение получило афористическое пожелание, которому приписывают восточное происхождение. Оно звучит и в общении между близкими людьми, и порой с высоких трибун: «Желаю Вам не жить в эпоху перемен». Действительно, перемены, нарушение стабильного течения социально-экономических процессов, как правило, вызывают тревогу, поскольку вынуждают предпринимать какие-то шаги по адаптации к новым условиям, отказу от стратегий поведения, которые ранее были успешными [1]. И эти трансформации связаны с краткосрочной потерей устойчивости социально-экономической системы, дополнительными издержками и рисками, обусловленными неопределенностью будущего.

Тем не менее перемены неизбежны. Как следует из законов диалектики, материя, в том числе социальная, непрестанно пребывает в движении. Это означает, что эпох без перемен не бывает. Попытка не замечать вызовы времени и избегать перемен, трансформаций, реформ приводит к тому, что такие вызовы становятся настолько существенными, что начинают грозить существованию социально-экономической системы. Итак, изменения сопровождали, сопровождают и будут сопровождать человечество всегда. И фундаментальная задача общества и представляющего его интересы государства состоит в том, чтобы своевременно адаптироваться к этим изменениям, а по возможности — управлять ими [2].

Несмотря на приведенный нами тезис о неизбежности изменений и необходимости не избегать их, но своевременно анализировать и учитывать в соответствующих управленческих мерах, интенсивность этих изменений неодинакова в разные периоды. В последние несколько лет, в частности в последний год, эта интенсивность скачкообразно возросла. Российская экономика столкнулась с рядом новых угроз устойчивости ее функционирования и экономической безопасности. Данная ситуация, безусловно, нуждается в осмыслении.

Материалы и методы

В основу настоящей статьи легли результаты ранее выполненных авторских исследований,

которые нашли отражение в соответствующих публикациях [3; 4; 5; 6; 7], выводы, сделанные на базе анализа современной экономической и общественной-политической литературы, проводившейся в течение последних лет серии интервью с авторитетными российскими экспертами, а также по итогам дискуссий, состоявшихся на Петербургском международном экономическом форуме 2022 г. (ПМЭФ-2022). В работе этого форума участвовали все авторы настоящей статьи. В необходимых случаях для аргументации авторских выводов и умозаключений использованы данные официальной статистики, альтернативные оценки происходящих в экономике изменений и их последствий, результаты контент-анализа публикаций деловых, общественно-политических и отраслевых интернет-изданий, СМИ.

Результаты и обсуждение

Основным вызовом, грозящим устойчивости современной отечественной экономики, является фактическая экономическая война, объявленная против России. Термин «экономическая война» всё чаще используется в официальном обороте дипломатами и политическими деятелями зарубежных стран и РФ. Формальным поводом для начала жесткого эпизода противостояния России и «коллективного Запада» послужило начало специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины. Но корни, первопричины современных событий представляются более глубокими.

Для подтверждения этого тезиса приведем цитату из послесловия С. Переслегина «Сэмюэль Хантингтон: Столкновение цивилизаций. О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира» к известной книге «Столкновение цивилизаций». Автор послесловия на основе критического изучения взглядов С. Хантингтона делает вывод, логично вытекающий из теоретических построений знаменитого автора. Суть вывода состоит в том, что «при минимальном желании Россию можно воспринять как “неправильный Запад” и приступить к исправлению ошибок» [8, с. 8]. Именно с такого рода «исправлением ошибок» (с позиций западной цивилизации), точнее, с «исправлением России», мы сегодня сталкиваемся.

С февраля 2022 г. против нашей страны США и их геополитическими союзниками

объявлено значительное число санкций, направленных на подавление российского суверенитета и разрушение экономики путем введения запретов на внешнеэкономическую деятельность, заморозки финансовых активов, попыток политической изоляции России. Расчет при планировании и осуществлении таких вредоносных действий сделан на то, что в условиях развитого международного разделения труда ограничение внешней торговли РФ (прежде всего экспорта) и запрет использования части резервов, размещенных в финансовых организациях за рубежом, нанесут чувствительный удар по национальной экономике, снизят благосостояние и сделают безальтернативным выбором для российских властей фактический частичный отказ от национального суверенитета. Для усиления этих эффектов осуществлено блокирование международных расчетов с участием российских банков, что ограничивает возможности торговли и неподсанкционными товарами и услугами.

О том, насколько сильно Россия интегрирована в систему международных экономических отношений, свидетельствуют, например, следующие данные: «Показатель экспортной квоты России за 2013–2017 гг. практически не изменялся и к 2017 г. составил 24,3 %... Показатель импортной квоты России за 2013–2017 гг. также значительно не изменялся и к 2017 г. был равен около 15 %... Внешнеторговая квота... была больше нормативного предела 27 % — данный фактор свидетельствует о стимулирующем влиянии на хозяйство со стороны внешнеторгового оборота» [9, с. 191].

Зависимость отечественной экономики от внешней торговли, таким образом, существенна, причем особенно велика, как следует из приведенных данных, экспортная зависимость. В этой связи США, претендующими на роль мирового гегемона, поставлена и последовательно реализуется амбициозная цель — «надавить» на эту российскую «болеву точку», в том числе принеся в жертву национальные экономики своих европейских союзников, лишаяемых российских углеводородов, удобрений, металлов и др.

Более ранней проблемой, которая активно обсуждалась российским экспертным сообществом в период предыдущего эпизода санкционного противостояния РФ и «коллективного Запада» в 2014–2015 гг. [10; 11; 12; 13], является высокая импортоза-

висимость национальной экономики. Если современный эпизод антироссийских санкций связан преимущественно с блокированием экспорта, то предыдущий был связан с блокированием импорта. Для преодоления возникших проблем российскими властями инициировано и реализовано много различных мер по импортозамещению, которые проходили по двум направлениям.

Первое из них связано с развертыванием в нашей стране производств товаров, которые ранее импортировались. Наиболее успешно этот вариант импортозамещения осуществлен в аграрно-промышленном комплексе. Аграриям в условиях ограничения рыночной конкуренции внутри России со стороны иностранных поставщиков за счет введения эмбарго на поставки продовольствия из недружественных стран оказана существенная государственная поддержка. В результате «в 2014–2018 годах практически по всем видам продовольственной продукции наблюдалось сокращение импорта... Наибольшее сокращение импортных поставок в стоимостном объеме с 2014 года произошло по мясной продукции: свинине (на 89 %), говядине замороженной (на 60 %), мясу и субпродуктам курицы (на 55 %). По маслу сливочному и томатам импортные поставки сократились больше, чем на 40 %, по сыру — на 37 %, по плодам семечковым — на 26 %» [14, с. 4]. Известны примеры успешного импортозамещения и в других сферах¹.

Второе направление нейтрализации угроз национальной экономической безопасности, обусловленных санкционными ограничениями импорта, связано с изменением географии поставок из-за рубежа. Причина возникновения такой возможности заключается в незаконном характере вводимых против России «коллективным Западом» санкций. В современном международном праве законными могут быть признаны лишь санкции, вводимые ООН. Санкционное давление на Россию со стороны США и их союзников к ООН не имеет отношения.

Значительное количество стран, в том числе таких крупных, как Китай, Индия, Бразилия, незаконные санкции не поддерживают, несмотря на оказываемое на

¹ Импортозамещение: успешные примеры // Bnkirov.ru. 2018. 19 февраля. URL: https://bnkirov.ru/news/obshchestvo/importozameshchenie_uspeshnye_primery (дата обращения: 10.06.2022).

Таблица 1

Стоимостная динамика импорта овощей в Россию из некоторых стран

Table 1. Cost dynamics of vegetable imports to Russia from other countries

Год	Азербайджан	Казахстан	Нидерланды	Польша
2013	\$85.6 млн	\$2.5 млн	\$274 млн	\$250 млн
2014	\$105 млн	\$6.1 млн	\$221 млн	\$143 млн
2015	\$91.3 млн	\$4.5 млн	\$28.1 млн	\$85.1 тыс.
2016	\$125 млн	\$9.1 млн	\$15.4 млн	\$106 тыс.
2017	\$207 млн	\$18.6 млн	\$19 млн	\$210 тыс.
2018	\$225 млн	\$29.4 млн	\$18.8 млн	\$34 тыс.
2019	\$236 млн	\$31.6 млн	\$14.5 млн	\$16.1 тыс.
2020	\$249 млн	\$30.6 млн	\$17.7 млн	\$62.6 тыс.

Источник: Импорт в Россию // Ру-Стат. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2022/RU/import/world/0207> (дата обращения: 10.06.2022).

них давление. Поэтому вполне резонно переориентироваться в импорте на них. В качестве примера, подтверждающего изложенное выше, в таблице 1 приведены данные о динамике импорта овощей в Россию из ряда стран. Как видно, из дружественных государств, начиная с 2014 г., импорт растет, а из недружественных — сокращается.

Третье направление официально не провозглашено. Но в стране, где важная роль отводится частной инициативе¹, оно не могло не возникнуть. Это — псевдоимпортозамещение, которое мимикрировало под первое или второе из указанных нами выше направлений. Его суть состоит в том, что дружественные России страны осуществляют фактический реэкспорт той или иной продукции из государств недружественных, формально (или реально) осуществляя ее незначительную доработку.

В качестве известных примеров можно вспомнить о кейсах с белорусскими морепродуктами. В частности, «по данным ФТС, с января по апрель 2017 года из Беларуси к нам ввезли рыбы и морепродуктов на общую сумму в 37,7 млн долл., что на 24,5 % больше, чем за тот же период в прошлом году. В весовом выражении прирост еще ощутимее. Общий вес ввезенной рыбы и морепродуктов достиг 10,66 тыс. тонн, что на 57 % больше ... При этом ввоз на россий-

ский рынок белорусской продукции в случае ее переработки считается законным. Однако... белорусские поставщики часто просто переупаковывают товар»².

Еще один вариант осуществления псевдоимпортозамещения — аналогичные действия отечественных производителей, которые выдают иностранные товары, минимально подработанные или даже переупакованные, за отечественную продукцию.

При этом, если исключить такие случаи псевдоимпортозамещения, импортозависимость в большинстве секторов российской экономики в среднесрочной перспективе полностью устранить невозможно. До сих пор экономика развивалась (и, по нашему мнению, будет развиваться и в дальнейшем, поскольку объективные экономические законы нельзя «отменить») под действием фундаментального закона разделения труда, его специализации и кооперирования. Это — объективный экономический закон, который разделяет отдельных людей, фирмы и даже страны по видам экономической деятельности, так как специализированный труд более производителен. Обратной стороной разделения труда служит кооперация. Она порождает и всегда будет порождать импортозависимость.

Например, «по оценке «Авторевю», с учетом скрытого импорта самая дешевая *Lada* только на 53 % состоит из отечественных

¹ В выступлении Президента России В. В. Путина на ПМЭФ-2022 сделан акцент на ключевых принципах развития современной России. Одним из принципов долгосрочного развития названа «опора на предпринимательские свободы». Данный принцип не только декларируется, но и воплощается в практике экономической политики.

² Цит. по: Санкционные рекорды: Беларусь резко нарастила поставки рыбы в Россию // Ассоциация международных автомобильных перевозчиков (АСМАП). 2017. 23 июня. URL: <https://www.asmap.ru/detail-news/sanktsionnye-rekordy-belarus-rezko-narastila-postavki-ryby-v-rossiyu> (дата обращения: 10.06.2022).

компонентов и материалов, а современная *LadaVesta* только на 43 % отечественная»¹. Другой пример — производство в России мяса. Хотя, как указано выше, успехи в продовольственном импортозамещении наиболее существенны. Но речь шла о конечной продукции. При этом в животноводстве «импортозависимость России от поставок витаминов — 100 %, микроэлементов — 90 %, кормовых аминокислот — 80 %, ферментов — 70–90 %, нейтрализаторов микотоксинов — 80–85 %, кормовых антибиотиков — 85–95 %»².

Проблема точного определения количественной меры локализации производства (без определения которой невозможно строго оценить уровень импортозависимости) сложна как на практике, так и в теории [15]. Появление феномена псевдоимпортозамещения во многом обусловлено субъективными, управленческими причинами, в том числе неверной постановкой задач на уровне экономической политики. В действительности проблему для России составляет не импортозамещение как таковое, а высокий уровень импортозависимости в критически важных отраслях экономики [16].

Именно на снижение этого уровня зависимости следует обратить внимание. Добиться снижения можно двумя главными путями. Традиционный — это политика импортозамещения, о которой речь шла ранее в настоящей статье. Но она имеет ограниченные возможности применения. В современном мире ни одна, даже самая богатая ресурсами и технологически могущественная страна, не в состоянии обеспечить высокий уровень жизни населения, международную конкурентоспособность и в итоге суверенитет, определяемый в том числе военно-политической мощью, если она будет придерживаться курса на 100 % самообеспечение, на автаркию.

Очевидным становится тот факт, что экономически бессмысленно в России, например, разворачивать собственное производство тропических фруктов, хотя технически и возможно. Или приведем еще один зна-

чимый пример: при всех технологических возможностях США так и не освоили производство эффективных ракетных двигателей, давно и успешно налаженное в России. Неслучайно до последнего времени Россия экспортировала этот высокотехнологичный товар в США.

Речь идет не о том, что американская промышленность не в состоянии освоить такое производство. Полагаем, что технологических компетенций у американского оборонно-промышленного комплекса для решения подобной задачи достаточно, но издержки разворачивания подобного производства настолько велики, что даже риск национальной экономической безопасности США, связанный с импортозависимостью от РФ, принят как допустимый.

Хотя разворачивание санкционной спирали изменило ситуацию и привело к недопустимому уровню такого риска. В результате (по состоянию на вторую половину июня 2022 г.), «полеты американских грузовых кораблей *Cygnus* к МКС могут прерваться на неопределенное время по причине заканчивающихся у США запасов российских ракетных двигателей РД-181... У США осталось всего четыре двигателя РД-181, их хватит на два запуска ракет *Antares*»³.

Выхода у NASA в складывающейся ситуации остается два: либо налаживать производство аналогов отечественных ракетных двигателей, либо пытаться договариваться с Роскосмосом, то есть апеллировать к собственным властям по вопросу о пересмотре санкций. Третий выход из ситуации — свертывание национальной космической программы — нами не рассматривается.

Таким образом, другой, более перспективный, по нашему мнению, чем импортозамещение, способ снижения рисков импортозависимости — формирование взаимной зависимости российских торговых партнеров от экспорта из РФ. Длительное время именно на этой концептуальной основе строилась экспортная экспансия российских нефтегазовых компаний на европейский рынок.

¹ Цит. по: Эксперты: за 4 года импортозамещение привело к росту цен и потере качества // Новости Волгограда. 2018. 6 ноября. URL: <https://novostivolgograda.ru/article/general/06-11-2018/eksperty-za-4-goda-importozameschenie-privelo-k-rostu-tsen-i-potere-kachestva> (дата обращения: 05.06.2022).

² Цит. по: Рынок кормов: итоги 2020 // Текарт. URL: <https://techart.ru/insights/4434> (дата обращения: 05.06.2022).

³ Цит. по: В США заканчивается запас российских ракетных двигателей РД-181, используемых на ракетах *Antares* // Военное обозрение. 2022. 21 июня. URL: <https://topwar.ru/198047-v-sshazakanchivaetsja-zapas-rossijskih-raketnyh-dvigatелеj-rd-181-ispolzuemyh-na-raketah-antares.html#:~:text=Как%20заявил%20глава%20Роскосмоса%20Дмитрий,на%20два%20запуска%20ракет%20Antares> (дата обращения: 27.06.2022).

Конечно, формально этот мотив — выстраивание зависимости европейских экономик от закупок отечественных товаров (в частности нефти и газа) не называли. Но де-факто такая зависимость была [17].

Так, по оценкам ПАО «Газпром», его доля на газовом рынке Европы (без учета Прибалтики, но с учетом Турции) в 2015–2020 гг. колебалась в диапазоне от 31 % до 37 %¹. При этом значимых экономических выгод (воспринимаемых не как возможность извлечения экспортных доходов, а как возможность связывания в единую систему хозяйственных комплексов стран — торговых партнеров, что делает экономически взаимоотношения стабильными и предсказуемыми, ведет к реальной экономической интеграции) из данного факта не было извлечено.

Правительства ограниченно суверенных (как окончательно выяснилось в 2022 г.) европейских стран по указанию из США пошли на разрыв торговых отношений с Россией, отказавшись или существенно сократив закупки российских энергоносителей. Ущерб от таких решений для европейских экономик очевиден. Это и сворачивание энергоемких производств, и возврат в промышленности (прежде всего в энергетике) к «коричневым» технологиям после многолетних, затратных усилий по «позеленению» экономики, и бытовые неудобства для граждан, и многое другое.

Но этот ущерб, по нашему мнению, не является фатальным: «В ближайшие два года, при условии немедленного прекращения поставок энергоносителей из России, ФРГ и ее промышленности угрожает “резкая рецессия”. В частности, согласно прогнозам, произойдет падение производства на 220 миллиардов евро ... экономический рост в ФРГ в 2022 году составит только 2,7 %, еще осенью [2021 года] прогноз предусматривал 4,8 %, инфляция составит 6,1 %»².

Причина того, что срыв газовых поставок из России по Германии «ударит больно, но не смертельно», состоит в следующем: импортозависимость Германии от России наблюдается в сфере сырьевых товаров. Основная товарная группа немецкого импорта

¹ «Газпром» не пригтели в Европе // Коммерсантъ. 2021. 14 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4642213> (дата обращения: 27.06.2022).

² Цит. по: Подсчитаны потери Германии в случае отказа от российского газа // РИА Новости. 2022. 14 апреля. URL: <https://ria.ru/20220414/poteri-1783432674.html> (дата обращения: 27.06.2022).

из РФ — минеральные продукты, на которые в 2019 г. пришлось 84,16 % всего импорта (по стоимости), а в 2020 г. — 78,12 %. Российская же импортозависимость от ФРГ — технологическая. В структуре немецкого экспорта в Россию доминируют машины, оборудование и транспортные средства (2019 г. — 51,51 %, 2020 г. — 51,43 %) и продукция химической промышленности (2019 г. — 29,65 %, 2020 г. — 26,87 %) [18].

Российский импорт Германия, пусть и не сразу, но в состоянии заместить поставками из других стран (по упомянутой выше второй модели импортозамещения или через псевдоимпортозамещение, что популярно в современной Европе, где некоторые враждебно настроенные к РФ страны отказались от покупок российского газа напрямую, приобретая его через европейских посредников и декларируя, что якобы достигнуто импортозамещение; но сделаем акцент еще раз на том, что такие действия не приводят и не могут привести к снижению импортозависимости этих стран от России), даже и по более высоким ценам.

Зависимость же технологическая имеет принципиально иную природу. Производство продукции обрабатывающей промышленности осуществляется для поставок на сегментированные рынки, где действуют иные, чем на рынках сырьевых, механизмы ценообразования [8]. Конечная продукция обрабатывающих производств всегда имеет те или иные элементы уникальности, она дифференцирована (индивидуализирована), то есть ее производитель/поставщик приобретает определенную степень монопольной власти над потребителем/покупателем.

Кроме того, покупатель, например, машиностроительной продукции, оказывается привязан к поставщику на длительный срок, поскольку данная продукция требует постпродажного обслуживания, ремонта, выполнения других мероприятий в ходе эксплуатации, нуждающихся в привлечении специфических ресурсов производителя/поставщика, которыми иные участники отраслевого рынка не обладают. Технологическая импортозависимость гораздо более серьезная, преодолеть ее сложнее, чем импортозависимость сырьевую.

Ущерб от сокращения и блокирования импорта в Россию в рамках санкций более существенен. Несмотря на предпринимаемые энергичные меры по импортозамещению, дать результаты оно, особенно если речь

идет о первой модели, способно лишь в среднесрочной перспективе. Реализация импортозамещения в отношении многих товаров, производимых предприятиями обрабатывающей промышленности, по второй модели в разумные сроки невозможна, поскольку такая продукция зачастую уникальна.

В итоге, согласно майскому (2022) прогнозу Минэкономразвития России, ожидалось падение ВВП РФ в 2022 г. на 7,8 %, в 2023 г. спад, по оценкам, должен замедлиться до 0,7 %, а затем ожидается восстановительный рост. Прогнозы несколько улучшены в июне, о чем заявлено на ПМЭФ-2022, в частности на сессии «Российская экономика: современные вызовы и точки опоры». В любом случае эти прогнозы, как официальные, так и подготовленные учеными, например, специалистами Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (РАН)¹, предусматривают экономический спад в нашем государстве по итогам 2022 г. Различны лишь оценки глубины спада.

Следовательно, для снижения рисков импортозависимости (а эти риски будут всегда, в любой экономике мира) России необходимо обратить внимание на формирование и развитие производств продуктов, в отношении которых наша страна обладает уникальными компетенциями, а значит, элементами монопольной власти на мировом рынке. Иными словами, речь должна идти в первую очередь о развитии высокотехнологичных производств [19; 20; 21]. Причем не «широким фронтом», а селективно, по отдельным ключевым направлениям.

Одним из таких направлений, как указано выше, выступает развитие космических технологий, в которых Россия традиционно сильна. Полагаем, можно говорить и об имеющихся неплохих позициях в атомной энергетике, авиастроении, производстве специальных материалов и др. Перечисленные перспективные направления должны быть выделены и институтированы.

Такого рода работа проводится давно. В частности, Указом Президента России от 7 июля 2011 г. № 899 (в ред. Указа Президента России от 16 декабря 2015 г. № 623) определены приоритетные направ-

¹ Квартальный прогноз экономики. Вып. № 54 // Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (РАН). 2022. 26 мая. URL: <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-ekonomiki-vypusk-54> (дата обращения: 27.06.2022).

ления развития науки, технологий и техники в РФ (безопасность и противодействие терроризму; индустрия наносистем и др.), а также введен перечень критических технологий РФ (базовые и критические военные и промышленные технологии для создания перспективных видов вооружения, военной и специальной техники; базовые технологии силовой электротехники и др.). Однако эти перечни расплывчаты и неконкретны, неоперативны, то есть они успешно играют роль стратегического ориентира, но не позволяют понять, какие именно управленческие меры следует предпринимать в первую очередь для того, чтобы достичь рывка в технологическом развитии по ключевым направлениям. Рывка, обеспечивающего хотя бы частичную технологическую зависимость стран мира в критических областях от России, а за счет этого — национальную экономическую (и оборонную) безопасность РФ.

Еще одна проблема в контексте развития РФ в краткосрочной и среднесрочной перспективе — количественные индикаторы. Для оценки экономической динамики и в РФ, и практически в мире в целом используется показатель ВВП (ВНП, национального дохода и др.), который дает совокупное представление о масштабах экономики и тенденциях его изменения. Для придания большей точности порой эти показатели определяют в расчете на душу населения, что существенно изменяет результаты. По данным Всемирного банка², в 2021 г. по размеру ВВП на душу населения, исчисленного по номиналу в текущих международных долларах, Россия занимала 60-е место в мире, а по абсолютной величине ВВП — 11-е. Мы не ставим задачу оценивать объективность показателей, а лишь указываем на существенную разницу в получаемых оценках.

Экономическая наука, особенно экономическая практика, как считал Дж. Кейнс, психологична, несмотря на все попытки привести в исследования и оценки количественные индикаторы. С этой точки зрения, динамика ВВП, хоть в среднестатистическом исчислении, хоть в абсолютном, мало что дает для понимания уровня социально-экономического развития и качества жизни с позиций того, как это воспринимается населением. В подтверждение данного тезиса обратим внимание на рисунок 1.

² Индикаторы // Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 27.06.2022).

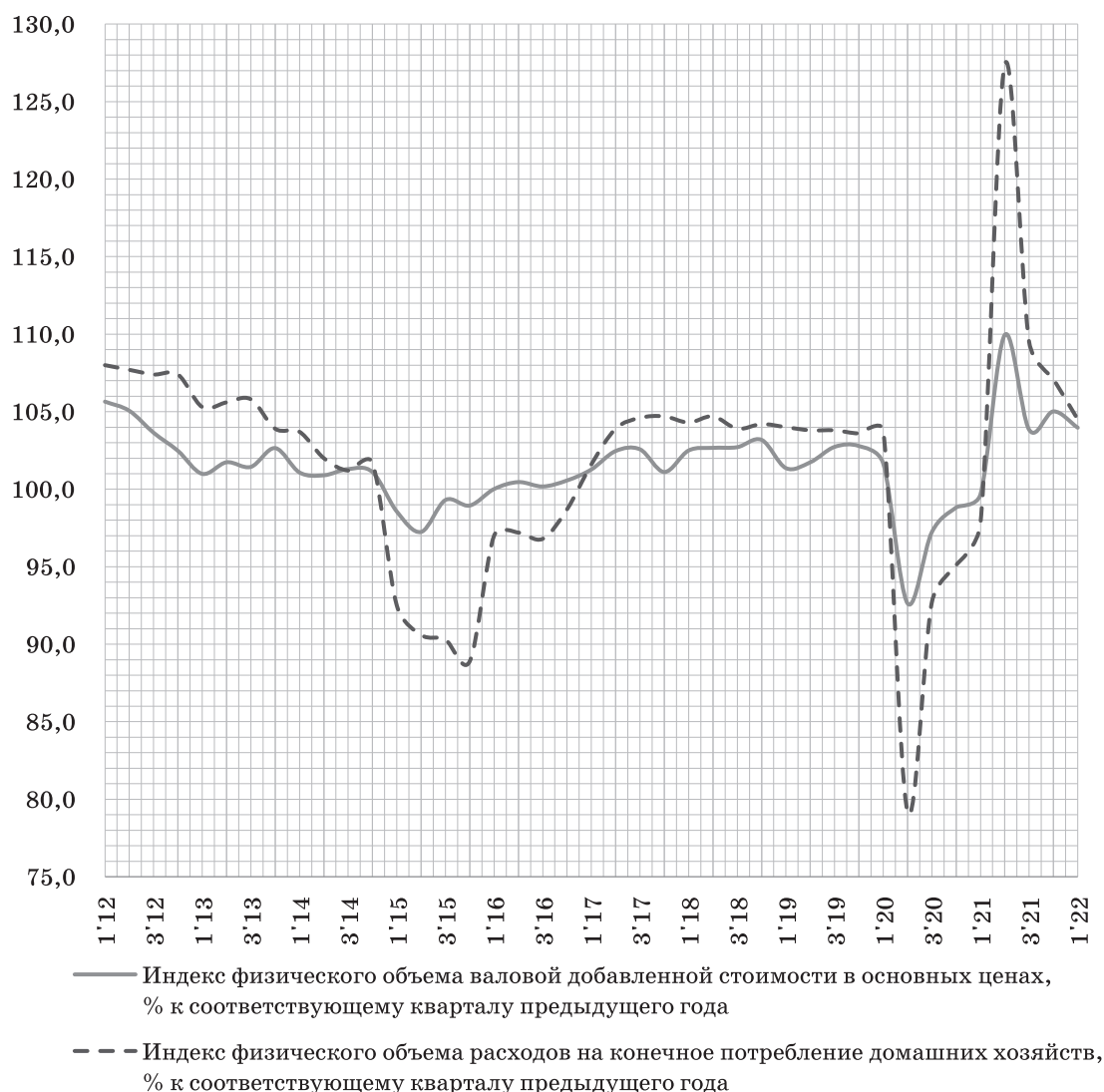

Рис. 1. Поквартальная динамика валовой добавленной стоимости и конечных расходов домашних хозяйств в России

Fig. 1. Quarterly dynamics of gross value added and final household expenditures in Russia

Источник: по данным Росстата.

Динамика индексов физических объемов валовой добавленной стоимости и расходов на конечное потребление домохозяйств в России в целом характеризуется как сопоставленная и близкая (коэффициент корреляции — 0,937). Вместе с тем расходам на потребление присуща большая волатильность, поскольку они лишены инерционности физических процессов производства и в большей степени подвержены социальным и психологическим влияниям. Так, во втором квартале 2020 г., когда в стране активно вводились антиковидные ограничения, спад реального производства был практически в три раза меньше, чем паническое сжатие потребительских расходов. И, напротив, постковидный подъем произ-

водства через год после отмеченного спада сопровождался существенно более значительным (примерно в 2,5 раза) ростом потребительской активности.

Население судит о состоянии дел в экономике не по абстрактным макроэкономическим показателям, а по личному благосостоянию и благосостоянию ближайшего социального окружения, определяемому не стоимостными показателями, а возможностями потреблять товары и услуги, а также накопленным имуществом, которым можно распоряжаться. Сформулированный вывод может быть подкреплён и объективными количественными данными.

Порядок ведения статистического наблюдения периодически изменяется, что видит-

ся естественным, так как любой процесс требует совершенствования и улучшения. Это приводит к появлению альтернативности даже в официальных оценках. В частности, на сайте Росстата приведены два показателя, характеризующих российский ВВП на душу населения в текущих ценах в 2011 г.: 391 486,2 руб. и 420 492,6 руб. Разница между этими значениями существенна (более 7 %), что соответствует в среднем почти 2,5 тыс. руб. на человека ежемесячно.

И первая, и вторая оценки — официальные. Почему же такое существенное расхождение? Ответ очевиден. Вторая оценка учитывает, согласно комментариям Росстата, «изменения, связанные с внедрением международной методологии оценки жилищных услуг, производимых и потребляемых собственниками жилья; оценкой потребления основного капитала исходя из его текущей рыночной стоимости; согласованием данных об экспорте и импорте с данными платежного баланса; актуализацией данных по итогам разработки базовых таблиц “Затраты-выпуск” за 2011 и 2016 годы, а также по итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года; включением оценки услуг домашних работников (домашней прислуги), а также внедрением положений СНС 2008 года относительно учета результатов научных исследований и разработок и систем вооружения и относительно учета использования косвенных услуг Центрального банка».

Но физически качество и уровень жизни людей, деятельность предприятий, работа государственных органов в связи с изменившимися расчетными статистическими формулами не стали другими. Однако «на бумаге», при расчете по новой методике, экономика возросла на 7 %. Насколько можно доверять таким оценкам? Мы не призываем отказываться от использования данных официальной статистики, поскольку иных, таких же представительных и (условно) объективных данных не существует. Но призываем с большей осторожностью относиться к прогнозным и фактическим показателям, характеризующим масштаб и темпы развития (или спада) российской экономики. Показателям, на основе которых сделаны управленческие и политические выводы.

В частности, это относится к заморозкам части российских активов за рубежом вследствие санкций, объявленных в 2022 г. По официальному заявлению Минфина

США, «за 100 дней <...> заблокированы или заморожены находящиеся под санкциями активы россиян на финансовых счетах и в экономических ресурсах на сумму более \$30 млрд. Были также заблокированы активы Центрального банка России на сумму около \$300 млрд»¹.

Насколько это отразилось на жизни и благосостоянии абсолютного большинства россиян? Вопрос риторический, ответ на него дать затруднительно, но можно: «Скорее всего, никак». Указанные активы по разным причинам и по разным каналам (будем надеяться, что легальным) из страны выведены, в российской экономике не работали, влияния на реальные экономические процессы не оказывали. Поэтому их утрата, хотя и неприятна, поскольку по существу является актом воровства, но не фатальна.

С учетом этих позиций возможное падение, например, добычи и экспорта углеводородов, которое может привести к снижению ВВП, не должно восприниматься как однозначно негативный факт. Приведем условный пример. Если 10 % доходов от экспорта нефти ранее, до 2022 г., выведены за рубеж (путем применения «бюджетного правила» и последующего размещения соответствующих резервов за рубежом, путем сохранения части валютной выручки на зарубежных счетах экспортеров, путем вывода собственниками части доходов за рубеж и т. д.), то, формально говоря, эти доходы засчитывали в ВВП РФ. Но, согласно концепции эффективного спроса Дж. Кейнса, это — «потерянные» для макроэкономической системы средства, они не работали на рост реального благосостояния. Если сегодня произойдет падение добычи и экспорта на эти 10 % (в предположении неизменности цен), одновременно будут перекрыты (а они уже перекрыты) каналы вывода денег за рубеж, то с позиций внутренней сбалансированности макроэкономической системы ничего не изменится. В рассмотрении таких простых взаимосвязей и кроется ответ на вопрос организаторов санкционной антироссийской кампании о том, почему российская экономика от санкций не развалилась.

В новых, складывающихся условиях даже возможное падение ВВП на величину

¹ Цит. по: США за 100 дней заморозили российских активов на \$330 млрд // Известия. 2022. 29 июня. URL: <https://iz.ru/1357174/2022-06-29/ssha-za-100-dnei-zamorozili-rossiiskikh-aktivov-na-330-mlrd> (дата обращения: 30.06.2022).

до 10 %, по нашему мнению, не будет для российской экономики критичным. Санкции, с политических и социальных позиций, напротив, в чем-то сыграли на руку руководству страны, позволив решить задачи по национализации (не в аспекте перехода в государственную собственность, а в аспекте перевода в российскую юрисдикцию) управления частным сектором отечественной экономики, ресурсных богатств, финансовых активов и т. д., а в дальнейшем — национализации элит, что служит предпосылкой национального суверенитета.

Тем не менее остается открытым вопрос о выборе макроэкономических показателей, объективно характеризующих уровень социально-экономического развития. Действительно, «есть примеры стран, которые отставали от других по темпам роста реального ВВП, но оказывались впереди по динамике уровня жизни»¹. Если традиционный ВВП и производные от него показатели, как выясняется, с этой ролью справляются не в полной мере, то возникает вопрос о том, чем их заменить. На него пока нет ответа, он требует отдельных и объемных исследований и обоснований. Как справедливо пишет В. Брагин, «в любом случае не стоит забывать, что ВВП — лишь один из множества доступных макроэкономических индикаторов, а серьезный анализ состояния экономики никогда не ограничивается использованием какого-то единственного показателя»². Это означает, что в современных условиях, когда российская экономика находится в состоянии перехода к новому качеству функционирования и развития в постсанкционных реалиях, в экономической политике следует шире использовать альтернативные оценки для описания тенденций и перспектив развития, не опасаясь колебания уровня ВВП и не воспринимая это как критическую угрозу устойчивости экономики и экономической безопасности.

Заключение

В настоящее время в мире, в том числе в России, происходит переосмысление сложившейся модели развития, основанной

¹ Цит. по: Брагин В. Ненужный ВВП. Чем заменить главный индикатор экономики // Forbes. 2018. 9 июня. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/362915-nenuzhnyy-vvp-chem-zamenit-glavnyy-indikator-ekonomiki> (дата обращения: 27.06.2022).

² Там же.

на «безоглядной» глобализации производства и потребления, в основе которой лежит разделение труда, выстроенное на высоком уровне доверия и базирующееся на принципах верховенства права и экономической целесообразности. Как установлено, влиятельные державы играют лишь по тем правилам, которые краткосрочно выгодны им, что резко повысило уровень рисков и угроз национальной экономической безопасности РФ. В ближайшей и среднесрочной перспективе они будут высокими.

Антироссийские санкции в перспективе, видимо, не снимут, а ужесточат. Это требует пересмотра модели внешнеэкономического взаимодействия РФ, чтобы, помимо импортозамещения, выстраивать механизм снижения импортозависимости отечественной экономики, который зиждется на создании и развитии технологически продвинутых, обладающих мировой конкурентоспособностью экспортоориентированных производств. Такие производства, кроме задачи повышения технологического суверенитета России, должны быть ориентированы и на формирование у торговых партнеров импортозависимости от российских поставок. Это позволит предусмотреть в отношении них канал экономического давления и нейтрализовать действие возможных санкций.

Отдельного внимания заслуживают дальнейшие исследования показателей, характеризующих макроэкономическую динамику. События последнего полугодия еще раз подтвердили ранее неоднократно высказанное в литературе мнение о недостаточной адекватности описания макроэкономической динамики показателем ВВП и другими показателями, выстроенными на его основе. Следовательно, в национальной экономической политике целесообразно большее внимание уделять альтернативным показателям, особенно, на наш взгляд, социально-экономическим, отражающим уровень и качество жизни населения.

На ПМЭФ-2022 неоднократно говорили о том, что ситуация в экономике и геополитике уже не будет прежней. В связи с этим необходима перестройка системы государственной политики с целью не только адаптации ее к новым реалиям, но и формирования последних. С позиций институционализма социально-экономические системы всегда развиваются в рамках институтов (правил), инерционных и не всегда эффективных. Сегодня возникает уникаль-

ный шанс пересмотреть правила, выбрать более эффективные способы организации социально-экономических процессов, что-

бы институировать их и тем самым задать долгосрочный вектор устойчивого и успешного развития России.

Список источников

1. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 448 с.
2. Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте, 2016. 328 с.
3. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Стратегия инновационного развития России: управленческие проблемы реализации // Друкеровский вестник. 2020. № 1 (33). С. 5–20. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-1-5-20
4. Кунин В. А., Смешко О. Г. Управление рисками негативного влияния пандемии COVID-19 на социально-экономические процессы и перспективы развития российской экономики // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 1. С. 4–15. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-1-4-15
5. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Анализ текущей динамики российской экономики: экономический рост, кризис или стагнация? // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2017. № 7 (67). С. 4–13. DOI: 10.18551/rjoas.2017-07.01
6. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Системный подход в оценке путей преодоления финансово-экономического кризиса // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. 2010. № 3 (27). С. 213–224.
7. Смешко О. Г. Государственное управление: на пути построения эффективной системы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 5 (107). С. 40–46.
8. Плотников В. А. Транснациональные цепочки создания ценности и глобальные механизмы ценообразования: взгляд теоретика // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 2 (134). С. 7–13.
9. Астахова Е. В., Костенко Н. М. Внешнеторговая деятельность России и Китая на примере Приморского края // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 190–193. DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0046
10. Афонцев С. А. Выход из кризиса в условиях санкций: миссия не выполнима? // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 20–36. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-4-20-36
11. Мантуров Д. В. Подходы к реализации и инструменты промышленной политики в зарубежных странах: возможен ли трансфер опыта // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 7–15.
12. Медведев Д. А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-5-30
13. Рязанов В. Т. Импортозамещение и новая индустриализация России, или как преодолеть стагнацию // Экономист. 2014. № 11. С. 3–19.
14. Ушаев И. Г., Маслова В. В., Чекалин В. С. Импортозамещение и обеспечение продовольственной безопасности России // Овощи России. 2019. № 2 (46). С. 3–8. DOI: 10.18619/2072-9146-2019-2-3-8
15. Соловейчик К. А., Аркин П. А. Методические вопросы стимулирования роста глубины передела промышленной продукции субъектами Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 4 (94). С. 25–30.
16. Черникова А. А., Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов // Экономика и управление. 2016. № 10 (132). С. 28–39.
17. Бабич С. В. Роль природного газа в формировании новой конфигурации современных энергетических рынков Европы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 47–53.
18. Ворона А. А., Мирная Е. А. Внешнеторговый оборот России и Германии: тенденции и перспективы // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2021. Т. 12. № 4 (51). С. 44–50.
19. Бодрунов С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. 2014. № 2 (40). С. 5–16.
20. Романова О. А., Акбердина В. В. Методология и практика формирования высокотехнологичного сектора экономики и создания новых рабочих мест в индустриальном регионе // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 152–161. DOI: 10.17059/2013-3-13
21. Фролов И. Э. Возможности и проблемы модернизации российского высокотехнологичного комплекса // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3 (126). С. 31–55.

References

1. Polterovich V.M. Elements of reform theory. Moscow: Ekonomika; 2007. 448 p. (In Russ.).
2. Bodrunov S. The coming of new industrial society: Reloaded. St. Petersburg: Institute for New Industrial Development named after S.Yu. Witte; 2016. 328 p. (In Russ.).
3. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Strategy of innovative development of Russia: Management problems of implementation. *Drukerovskii vestnik*. 2020;(1):5-20. (In Russ.). DOI: 10.17213/2312-6469-2020-1-5-20
4. Kunin V.A., Smeshko O.G. Managing the risks of negative analysis of the COVID-19 pandemic on socio-economic processes and prospects for the development of the Russian economy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(1):4-15. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2022-1-4-15
5. Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. Analysis of the current dynamics of the Russian economy: Growth, crisis of stagnation? *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2017;(7):4-13. (In Russ.). DOI: 10.18551/rjoas.2017-07.01
6. Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. The system approach in the estimation of way of overcoming of financial and economic crisis. *Sovremennye tekhnologii. Sistemnyi analiz. Modelirovanie = Modern Technologies. System Analysis. Modeling*. 2010;(3):213-224. (In Russ.).
7. Smeshko O.G. Public administration: On the way of building an effective system. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2017;(5):40-46. (In Russ.).
8. Plotnikov V.A. Transnational value chains and global pricing mechanisms: A theoretical view. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2022;(2):7-13. (In Russ.).
9. Astahova E.V., Kostenko N.M. Foreign trade activity of Russia and China in the context of Primorsky Krai. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = ASR: Economics and Management (Azimuth of Scientific Research)*. 2019;8(2):190-193. (In Russ.). DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0046
10. Afontsev S.A. Crisis management under economic sanctions: Mission impossible? *Voprosy ekonomiki*. 2015;(4):20-36. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2015-4-20-36
11. Manturov D.V. The approaches of implementation and the instruments of industrial policy in foreign countries: Possibility to transfer the experience. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2018;(4):7-15. (In Russ.).
12. Medvedev D. Social and economic development of Russia: Finding new dynamics. *Voprosy ekonomiki*. 2016;(10):5-30. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-5-30
13. Ryazanov V.T. Import substitution and new industrialization of Russia, or how to overcome stagnation. *Ekonomist*. 2014;(11):3-19. (In Russ.).
14. Ushachev I.G., Maslova V.V., Chekalin V.S. Import substitution and ensuring food security of Russia. *Ovoshchi Rossii = Vegetable Crops of Russia*. 2019;(2):3-8. (In Russ.). DOI: 10.18619/2072-9146-2019-2-3-8
15. Soloveychik K.A., Arkin P.A. Methodological issues of stimulating the growth of depth of industrial production process stages in subjects of the Russian Federation. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2015;(4):25-30. (In Russ.).
16. Chernikova A.A., Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Import substitution as a tool of economic policy for import substitution risk management: Choosing an approach. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2016;(10):28-39. (In Russ.).
17. Babich S.V. The role of natural gas in the formation of a new configuration of modern energy markets in Europe. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2018;(5):47-53. (In Russ.).
18. Vorona A.A., Mirnaya E.A. Foreign trade turnover of Russia and Germany: Trends and prospects. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS*. 2021; 12(4):44-50. (In Russ.).
19. Bodrunov S.D. Russian economic system: The future of high-tech material production. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = The Economic Revival of Russia*. 2014;(2):5-16. (In Russ.).
20. Romanova O.A., Akberdina V.V. Methodology and practice of development of hi-tech sector of economy and creation of new vacancies in the industrial region. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2013;(3):152-161. (In Russ.). DOI: 10.17059/2013-3-13
21. Frolov I.E. Opportunities and challenges of Russian high-technology complex modernization. *Studies on Russian Economic Development*. 2011;22(3):245-264. (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2011;(3):31-55).

Сведения об авторах

Олег Григорьевич Смешко

доктор экономических наук, доцент,
ректор

Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Владимир Александрович Плотников

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмента
и государственного и муниципального управления¹,
профессор кафедры общей экономической теории
и истории экономической мысли²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

² Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21

Юлия Владимировна Вертакова

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмента
и информационных технологий

Курский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ

305016, Курская область, Курск, Ломоносова ул.,
д. 3

Поступила в редакцию 01.07.2022
Прошла рецензирование 07.07.2022
Подписана в печать 14.07.2022

Information about Authors

Oleg G. Smeshko

DSci, PhD in Economics, Associate Professor,
Rector

St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103,
Russia

Vladimir A. Plotnikov

DSci, PhD in Economics, Professor, Professor
of the Department of Management and State
and Municipal Administration¹, Professor
of the Department of General Economic Theory
and the History of Economic Thought²

¹ St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103,
Russia

² St. Petersburg State University
of Economics

21 Sadovaya str., St. Petersburg 191023, Russia

Yuliya V. Vertakova

DSci, PhD in Economics, Professor,
Professor of the Department of Management
and Information Technologies

Kursk branch of the Financial University under
the Government of the Russian Federation

3 Lomonosova str., Kursk 305016,
Russia

Received 01.07.2022
Revised 07.07.2022
Accepted 14.07.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication
of this article.